

УДК 316.42, 316.752, 304.5

DOI: 10.34670/AR.2020.70.82.002

К вопросу об исторических основаниях российской специфики развития: Куликовская битва и формирование централизованного государства

Подъячев Кирилл Викторович

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Кржижановского, 24/35;
e-mail: kirvik@bk.ru

Аннотация

Статья открывает серию работ, посвященных проблеме исторических истоков характерных для России форматов социального и политического развития. В основу анализа положена инновационная концепция «парадигмы социального действия», разработанная социологом-регионалистом О. Аксёновой. Согласно данной концепции, главной социокультурной особенностью России является акторский подход к социальному действию. Он основывается на самостоятельной оценке ситуации и свободном выборе форм поведения действующим субъектом. Напротив, технологическая модель социального действия предполагает решение стандартных задач стандартными методами. Эта модель более характерна для западноевропейской и конфуцианской цивилизаций. В данной статье предпринята попытка применения этого подхода к анализу Куликовской битвы и связанных с ней исторических событий. Автор рассматривает событие в широком контексте, с учетом социологических, политологических, культурологических подходов. В этом отношении важна не столько историческая фактология, сколько духовно-культурный резонанс события и влияние, оказанное им на становление России как политического организма и особой социокультурной целостности. На основе интерпретации исторических данных Г. Прохоровым показана связь политических, экономических и духовно-идеологических процессов, протекавших в то время в Европе, татарских ханствах и Русских землях. Особое внимание уделено воздействию на духовно-культурную атмосферу Руси той эпохи византийских «паламитских споров» 1335 – 1351 годов. В итоге автор делает вывод, что победа в сражении на поле Куликовом есть событие не столько военного, сколько политического, этнического и духовного значения.

Для цитирования в научных исследованиях

Подъячев К.В. К вопросу об исторических основаниях российской специфики развития: Куликовская битва и формирование централизованного государства // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 16-25. DOI: 10.34670/AR.2020.70.82.002

Ключевые слова

Политология, социология, развитие, государство, цивилизация, христианство, социальное действие, технология, Куликовская битва.

Введение

Кажется уже вполне доказанным, что Россия обладает определенной социокультурной спецификой, определяющей формы развития страны по всем возможным направлениям. Можно продолжать споры о том, хороша ли эта специфика, плоха ли, является ли она конкурентным преимуществом или отдаляет от цивилизации, но не знать ее – просто преступно. Незнание, игнорирование этих особенностей приведет только к новым ошибкам – сначала в социальных науках, затем в принятии управленческих решений, а далее наступят тяжелые социально-экономические и политические последствия.

Крупнейший отечественный социолог, академик М.К. Горшков указывал на то, что «понять такое общество, как Россия, возможно только на основе ее собственного исторического развития» [Горшков, 2016]. Следуя этому призыву, мы пытаемся осмыслить исторический путь страны с позиций социологии и политологии.

Теоретическим базисом нашего анализа может послужить концепция «парадигмы социального действия», разработанная О.В. Аксёновой [Аксёнова, 2016]. Надо отметить, что эта концепция, по признанию ее автора [Аксёнова, 2020], родилась не из теоретико-метафизических спекуляций, а из анализа живой социальной реальности российских локальных сообществ. Материал, на основе которого создана эта концепция, был получен в ходе многолетних исследований, проводившихся под руководством покойной И.А. Халий с использованием созданной ею уникальной методики.

Основная часть

О. Аксёнова предлагает все формы социального действия, т.е. осуществляемого индивидом в организованном обществе (социуме), свести к двум основным моделям: технологической (менеджерской) и акторской.

Технологическая модель предполагает действие строго в рамках заранее заданной функции, в соответствии с максимально подробными инструкциями; ответственность действующего субъекта ограничивается рамками функционала и не связана с результатом действия. Акторская модель основана на свободном действии, заключенном только в рамки ценностей, определяющих желательную цель действия и базовые ограничения поведения. Ответственность актора в ней абсолютна и напрямую связана с результатом.

Достоинство технологической модели – возможность институализации, поскольку в ней не значимы личные качества исполнителей. Недостаток ее в том, что в ситуации равноценного выбора (и вообще в любой нештатной) действующий субъект почти теряет дееспособность. Строго говоря, в этой модели вообще нет индивидуального действующего субъекта. Субъектностью обладает система в целом, а индивиды, выполняющие инструкции, – лишь функции, легко заменимые, а потому ценности не имеющие.

Достоинства и недостатки акторской модели зеркальны. С одной стороны, она дает возможность успешно реагировать на нештатную ситуацию. Недостаток – зависимость от личных качеств конкретного индивида, невозможность институализации. В качестве «менеджера» (технологического агента) может выступать почти любой человек, наученный необходимым по технологической схеме компетенциям. Но актором может быть лишь тот, кто обладает некоторым набором личных качеств, отчасти врожденных, отчасти приобретаемых в процессе социализации, но никоим образом не сообщаемых в рамках формального образования.

Также акторская модель в ряде ситуаций имеет высокий потенциал конфликтности.

Эти модели – теоретические конструкты, и в чистом виде их наблюдать невозможно. Однако в каждом конкретном случае возможно эмпирически определить, в какой степени характерна для исследуемого сообщества та или иная модель социального действия.

Исследования, в которых довелось участвовать автору [Халий, 2015], дают основания утверждать, что акторская модель социального действия является доминирующей в нашей стране. Сколь бы это ни показалось парадоксальным, но именно акторское действие является наиболее характерным, особенно в локальных сообществах – селах и малых городах. Особенность «развития по-русски» состоит именно в этом – не технология, а опирающееся на ценности акторское действие лежит в его основе.

В поисках исторических истоков этой специфики развития мы попытались обратиться к ретроспективному анализу ряда крупнейших событий российской истории. Объем предстоящей работы совсем не мал, и даже то, что уже сделано, требует гораздо большего объема для детального изложения. Здесь же мы представляем лишь предварительные результаты анализа хронологически наиболее раннего события в этом ряду – Куликовской битвы.

Это тем более важно именно в уходящем году, так как данный год является 640-летним юбилеем рассматриваемого, бесспорно, значительнейшего события отечественной истории.

Поскольку автор не является профессиональным историком, на этом пути велик риск появления формальных неточностей. Вместе с тем у нас несколько иной интерес, отличный от целей исторической науки: мы не ищем ответы на вопросы фактологического характера. А чтобы определить доминирующую модель социального действия, вполне достаточно тех сведений, которые содержатся в источниках, общепризнанных как достоверные.

К сожалению, по причине скудости оригинальных источников и большого разброса мнений среди историков нам пришлось встать на зыбкую почву догадок, гипотез и предположений. Тем не менее обратиться именно к этому событию представляется необходимым не только по причине юбилейной даты. Именно оно позволяет показать глубину исторических корней доминирующей в России модели социального действия.

Битве на Куликовом поле предшествовали значительные события в Византии: и церковные, и политические. Мы убеждены, что влияние их не только на Русь того времени (ведь в церковном отношении она была частью Церкви Константинопольской), но и на формирование нашей цивилизационной специфики весьма значительно.

В центре этих событий стояла фигура св. Григория Паламы (1296–1357), крупнейшего христианского богослова того времени.

В 1335 г. св. Григорий вступил в спор с философом Варлаамом Калабрийским, прибывшим из Италии. Спор этот вскоре распространился не только на Грецию, но и на весь православный мир. Также, наложившись на политическую борьбу византийских аристократических группировок, он более 20 лет сотрясал Церковь. Верх брала то одна, то другая партия, но в 1351 г. состоялся церковный собор, признавший истинным учение св. Григория.

Останавливаться на всех исторических перепетиях и богословских тонкостях в рамках данного текста не представляется возможным, обратим внимание лишь на самое существенное.

Основная суть противоречий состояла в следующем. Варлаам считал Бога принципиально непознаваемым и единственную возможность приближения к Нему видел в изучении творения с помощью естественнонаучных методов и аристотелевой метафизики. При этом особую роль он придавал философам. Св. Григорий, напротив, «утверждал существование двух принципиально различных видов знания. Есть природный дар познания, который может с

успехом служить постижению видимого мира...» [Православная энциклопедия Святейшего Патриарха Алексия II, 2001], и есть высший, Божественный дар, который только и может приблизить человека к пониманию подлинной Истины.

При этом он вовсе не отрицал научного знания, будучи одним из образованнейших людей своего времени [Бирюков, 2014]. Но твердо стоял на том, что оно само по себе не может принести спасения. По учению св. Григория, незримый и непостижимый Господь являет людям Божественные Энергии, которые человек способен воспринять эмпирически, но не физическим зрением, а особого рода «умным чувством» [Бирюков, 2016]. Эта сложная диалектика Бога, Энергий и человеческого опыта опирается как на слова Св. Писания (Ис. 6:3), так и на опыт православных подвижников (аскетов).

Социально-философский смысл этого спора состоит в следующем. Поскольку, по Варлааму, лишь научно-философское познание в принципе возможно и через него можно так или иначе приблизиться к Богу, то:

а) философы, образованные люди – есть особая каста, обладающая Знанием (Ghnosis): «богопознание... не зависит от понятия греха, от благодатной помощи свыше; Бог неким образом просвещает философов, и они превосходят большинство людей» [Православная энциклопедия Святейшего Патриарха Алексия II, 2001].

б) поскольку философии можно научиться, пройдя через формальное образование, значит, существует некая инструкция, следуя которой можно «подняться на небо».

В последнем Варлаам смыкается с ветхозаветным фарисейством и римским юридизмом, приходя к технологической модели социального действия, только в области религии.

В противовес Варлааму св. Григорий указывал, что высший тип знания – созерцание Божественного света – не может быть получен путем механического выполнения определенных действий: «... восприятие Божественной благодати дается христианину непосредственно и в виде наличной данности ... как зрение неспособно действовать без наличия светящего извне света, так и осуществление способности умного чувства невозможно без действующего Божественного света» [Бирюков, 2016]. Монах-подвижник в различных упражнениях и молитвах лишь подготавливает свою душу к этому созерцанию, но приобщиться Божественным энергиям возможно лишь по воле Божией.

Кроме того, и сами аскетические упражнения, насколько известно из опыта афонских подвижников, выполнялись не по определенной, раз и навсегда данной инструкции, но передавались от наставника к ученику в процессе живого (и даже безмолвного) общения. Здесь можно наблюдать духовно-религиозную форму акторской модели действия, ведь искатель благодати предстает перед нами как «независимый, ответственный, самостоятельно принимающий решения субъект», т.е. актер [Аксёнова, 2020].

Как уже было упомянуто, в тех событиях присутствовал и политический аспект, поскольку в дальнейшем богословские споры «варламитов» и «паламитов» перешли в политическую плоскость, наложившись на борьбу за власть между различными группировками в Византии и в Московском княжестве. Так, «паламитов» поддерживал Иоанн VI Кантакузин (1293–1383, Василевс в 1347–1354 гг.).

В Москве партия варламитов, возглавляемая священником Димитрием Коломенским, в определенный период была весьма влиятельна. Димитрий (в монастыре Михаил) был княжеским духовником и печатником (по современным понятиям – начальник секретариата).

На стороне паламитов были духовные лидеры народа: Сергей Радонежский, Феодор Ростовский, Дионисий и Евфимий Суздальские (в дальнейшем все причисленные к лику

святых). Но в эту борьбу вмешался и внешний фактор – события в Золотой Орде.

Мы не будем останавливаться на них подробно, ведь Куликовской битве посвящен огромный массив литературы. Важно обратить внимание на отдельные, значимые для нашей темы обстоятельства. Мамай не был экзистенциальным врагом России и русских, как такового зла русским или даже Москве он не хотел¹. Его интерес был узко политический – укрепить свою власть. Но, поскольку он не был чингисидом, татары не особенно его поддерживали. Собственно, многие татары (например, Арап-шах) стали на его сторону лишь потому, что чингисиды в то время впали в ничтожество.

Что ему оставалось делать? Только опираться на наемную армию, составленную из профессиональных воинов – гулямов. Тот факт, что войско Мамай, или, по крайней мере, его ядро состояло из наемников, отражен в наиболее раннем аутентичном источнике – так называемой Киприановой летописи 1408 г. [Плигузов, 2017] Гулямы – профессиональные воины исламского мира – были, наверное, лучшими бойцами своего времени. Это наилучшим образом подтверждают итоги сражений гулямов с войсками европейцев (битва Витовта с Эдиге на берегах Ворсклы 1399 г. [Рахимзянов, 2018]) и османов (битва Тимура и Баязета при Анкаре 1402 г.).

Однако, чтобы набрать такое войско, нужны были немалые деньги, а взять их было не у кого, кроме как у итальянцев – генуэзских купцов, имевших в то время торговые фактории и крепости в Крыму. Последним были нужны рабы для продажи в Египет [Прохоров, 2000] и гребли на галерах, а также меха, мед и т.п. для продажи в Западную Европу. А добыть все это можно было только на русской земле. Мамай, как правитель Орды, согласно политической традиции того времени рассматривался как верховный суверен Русской земли. Поэтому он мог передать генуэзским купцам своего рода концессию, предоставив права неограниченной и беспопытной торговли, в том числе людьми.

Будь эта схема реализована, князья и бояре могли даже оказаться в выигрыше, ведь от этой торговли им что-нибудь да перепало бы, а княжеских и боярских детей вряд ли продали бы в рабство.

В проигрыше был народ: его детям угрожало стать египетскими рабами. Никак не устраивала такая сделка и Православную Церковь: вслед за итальянскими купцами в Россию наверняка проникли бы агенты Ватикана, что в условиях тотального экономического господства итальянцев привело бы к постепенному окатоличиванию. Представляется, что именно поэтому в источниках Куликовская битва показана как сражение за веру. Ведь прежде ордынские ханы ничем православной вере не угрожали – от русских не требовали принимать ислам в 1314 г., и даже предоставляли епархиям финансовые привилегии.

При этом воевать с Мамаем казалось делом безнадежным: при отсутствии княжеских дружин одно только земское ополчение, вооруженное рогатинами и палицами, не могло бы сражаться с конными гулямами – лучшими воинами тогдашнего мира.

Но св. князь Дмитрий Донской в это время резко изменил свой курс. Что именно на него повлияло, неизвестно, поскольку никак не отражено в источниках. Но есть все основания согласиться с мнением Г.М. Прохорова, что поворот начался еще до сражения – после отъезда лидера так называемой варламитской партии архимандрита Михаила в Константинополь и его смерти там. Он обозначился тем, что место княжеского духовника занял игумен Феодор –

¹ Здесь мы придерживаемся главным образом трактовки Г.М. Прохорова и Л.Н. Гумилёва.

племянник св. Сергия, будущий святитель Ростовский [Прохоров, 2000]. Он представлял «народную» партию, а в догматическом отношении, вероятнее всего, держался паламитской линии.

Таким образом, мы видим, что князь выбрал в этой ситуации сторону не элиты, а народа, и благословил его св. Сергий Радонежский. Что характерно, просить благословения у игумена маленького и бедного монастыря князю было совершенно необязательно. Собственно, первое благословение на битву он и получил от архиерея – коломенского епископа Герасима. Но духовный авторитет оказался важнее формального, даже освященного Церковью. Благословение Сергия привело в княжеское войско людей со всей Руси – от Беломорья до Полоцка. Известно, что в русском войске присутствовали даже литовцы (под ними следует понимать православных подданных литовского князя, а вовсе не этнических литовцев – жемайтов). При этом для нас важно не то, насколько много их было. Нас интересует культурный резонанс события, потому важно лишь то, что в источниках битва отражена именно как общенародное дело.

Величие ситуации в том, что люди шли на бой, не надеясь выжить. Тем не менее, битва состоялась и закончилась успешно для русских. Несмотря на огромные потери, русские все же выстояли и вернулись с победой. А карта Мамаю была бита – на Куликовом поле он потерял гулямов, и у него остались только одни татары, которые, едва чингисид Тохтамыш обратился к ним, перешли на сторону последнего.

Поскольку нам важно не углубляться в фактологию, но оценить именно духовно-культурный резонанс события, можно утверждать, что для России Куликовская битва по праву считается центральным событием истории, но не столько военно-стратегического (поскольку уже через два года татары захватили Москву), а политического, этнического и духовного значения.

Политически: св. князь Дмитрий Донской, приняв сторону народа в этой войне, из князя стал Государем, а Москва из центра княжества сделалась настоящей столицей новой России. Дом Даниловичей с этого момента мог рассматриваться не просто как один из княжеских родов, но как подлинно «народная», всероссийская династия. С этого момента объединение России вокруг Москвы стало лишь вопросом времени. Кроме того, разгром Мамаю положил предел проникновению генуэзцев и позорное рабство русским людям более не грозило. А ведь у нашей страны тогда были все шансы пойти по пути Западной Африки, где местные князьки захватывали у соседей детей и продавали португальцам.

Этнически: эта война и победа в ней изменили народное самосознание, люди впервые ощутили себя целостью. Как указал Л.Н. Гумилёв, на Куликово поле пошли представители княжеств, а вернулись русские [Гумилёв, 2008].

Духовно: тот факт, что эта битва произошла в день Рождества Богородицы, и войска благословил св. Сергий, почитаемый народом как Божий человек, показал, что рождение русской нации и Российской державы благословенно свыше и Православная вера действительно есть ее корень и основа.

В приведенном выше описании мы видим основные черты именно акторской модели действия. Дмитрий Донской пошел в сражение, выиграть которое не было ни единого шанса, пошел во имя высших ценностей (православной веры, свободы народа), вопреки мнению своего окружения. Он обратился за благословением не только к архиерею Герасиму, но и к настоятелю незначительного и бедного монастыря, но почитаемому народом. Характерно, что из позднейших источников упоминание о Герасиме исчезло, а фигура Сергия все более

выдвигалась вперед. Здесь мы видим действие вопреки и церковной субординации, но в соответствии с внутренними ценностными установками. Наконец, и рядовые участники битвы шли на верную смерть по призыву духовных лидеров. Шли часто против воли своих князей, т.е. вопреки обычаям (регулятивным нормам того времени).

Характерная для России политическая модель «царь – народ», отмеченная многими авторами и, как правило, яростно критикуемая, также происходит, вероятнее всего, с Куликова поля. Суть ее в том, что носителем легитимности в нашей стране является персонифицированная Верховная власть (сохраняющаяся при всех трансформациях политического строя). И опирается она на доверие народа. А элита – лишь слуги Державы, получающие не только материальные блага, но и самую легитимность от этой власти. В глазах народа любой аристократ имеет значение лишь постольку, поскольку он служит государю. Это до сих пор живо в нашей политической культуре, что подтверждается многочисленными социологическими опросами на тему личностного или институционального доверия. Все они показывают, что лидером доверия является Президент. Это было даже тогда, когда данную должность занимал менее популярный Д. Медведев; это есть и сегодня, несмотря на все проблемы, вызванные пандемией [ВЦИОМ. Рейтинг доверия политикам от 20.11.2020, [www](http://www.vciom.ru)]. Такая модель противоположна западноевропейской, где носителем власти является аристократическая / бюрократическая элита, а первое лицо либо декоративно (Великобритания, Швеция), либо находится под контролем элиты (Франция, США).

У нас же в памяти людей осталось, что в 1380 г. князь пошел вместе с ними на смерть за веру и свободу, а бояре хотели торговать их дочерьми. Надо полагать, с тех пор политическая и экономическая элита всегда под подозрением – как потенциальные изменники, а царь – естественный защитник народа. «Боярин может и другому царю служить, а царь без народа – кому ж царь?».

Если связать это с описанными выше теологическими дискуссиями в Византии, то можно определить, что Куликовская битва была не только битвой с внешним врагом, но и внутренним выбором мировоззренческой концепции. Победа на Куликовом поле была победой паламитов. Хотя в дальнейшем теология св. Григория не проявлялась особенно ярко в жизни Русской Церкви [Пржегорлинский, 2011], а исихастские практики не особенно распространились в монашеской среде (надо полагать, последовательным исихастом на практике был только св. Нил Сорский [Федотов, 2017]), их социокультурное влияние парадоксальным образом оказалось очень велико. Можно предположить, что именно тогда и таким образом в России создались предпосылки для утверждения акторской модели социального действия как доминирующей. Вспомнить же об источнике этой традиции пришлось только в XIX в., а то и в XX в. [Бирюков, 2018].

Заключение

Главный же вывод, который можно сделать из этого, пока еще предварительного обзора, следующий: акторская модель социального действия проявилась в период Куликовской битвы весьма ярко. Ее религиозное основание (исихазм), и политическое выражение, и проявления в поведении рядовых участников события – все это можно наблюдать при внимательном анализе источников. Таким образом, можно утверждать, что акторское действие как доминирующая форма социального поведения (и притом определяющая исход важнейших исторических коллизий) в нашей стране может проследиваться как минимум с конца XIV в.

Библиография

1. Аксёнова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.
2. Аксёнова О.В. Субъект социального действия в современном развитии России: актор, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37-53.
3. Бирюков Д.С. Григорий Палама – выдающийся православный богослов // Acta Eruditorum. 2014. № 14. С. 14-16.
4. Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 34-47.
5. Бирюков Д.С. Учение Григория Паламы о познании и умном чувстве // Acta Eruditorum. 2016. № 20. С. 19-21.
6. ВЦИОМ. Рейтинг доверия политикам от 20.11.20. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-2>.
7. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. В 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
8. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. М.: АСТ-Москва, 2008. 416 с.
9. Плигузов А.И. Живая вода Непрядвы: битва на Куликовом поле в свидетельствах современников и в памяти потомков. М.: Квадрига, 2017. 218 с.
10. Православная энциклопедия Святейшего Патриарха Алексия II. Т. 13. М., 2001.
11. Пржегорлинский А. Византийская Церковь на рубеже XIII – XIV вв. Деятельность и наследие св. Феопигта, митрополита Филадельфийского. СПб.: Алетейя, 2011. 240 с.
12. Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2000. 480 с.
13. Рахимзянов Б.Р. Московская Русь и татарские ханства в XV – XVI веках. Казань: Татарское кн. изд-во, 2018. 239 с.
14. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2017. 323 с.
15. Халий И.А. (ред.) Актуализированные ценности современного российского общества. М.: ИС РАН, 2015. 273 с. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4061.

On the question of the historical foundations of the Russian specifics of development: the Battle of Kulikovo and the formation of a centralized state

Kirill V. Pod'yachev

PhD in Political Science,
Senior Researcher,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
117218, 24/35 Krzhizhanovskogo st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kirvik@bk.ru

Abstract

The article opens a series of works devoted to the problem of the historical origins of the formats of social and political development specific to Russia. The analysis is based on the innovative concept of the "paradigm of social action", developed by the sociologist-regionalist O. Aksyonova. According to this concept, the main sociocultural feature of Russia is the actor's approach to social action. It is based on an independent assessment of the situation and the free choice of forms of behavior by the acting subject. On the contrary, the technological model of social action presupposes the solution of standard problems by standard methods. This model is more characteristic of Western European and Confucian civilizations. This article attempts to apply this approach to the analysis of the Battle of Kulikovo and related historical events. The author examines the event in a broad

context, taking into account sociological, political, and cultural approaches. In this regard, it is not so much historical factology that is important as the spiritual and cultural resonance of the event and the influence it exerted on the formation of Russia as a political organism and a special socio-cultural integrity. Based on the interpretation of historical data by G. Prokhorov, the connection between political, economic and spiritual-ideological processes taking place at that time in Europe, the Tatar khanates and the Russian lands is shown. Particular attention is paid to the impact on the spiritual and cultural atmosphere of Russia of that era of the Byzantine "Palamite disputes" in 1335-1351. As a result, the author concludes that the victory in the Battle of Kulikovo is not so much a military event as a political, ethnic and spiritual event.

For citation

Pod"yachev K.V. (2020) K voprosu ob istoricheskikh osnovaniyakh rossiiskoi spe-tsifiki razvitiya: Kulikovskaya bitva i formirovanie tsentralizovannogo gosudarstva [On the question of the historical foundations of the Russian specifics of development: the Battle of Kulikovo and the formation of a centralized state]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (5A), pp. 16-25. DOI: 10.34670/AR.2020.70.82.002

Keywords

Political science, sociology, development, state, civilization, Christianity, social action, technology, the Battle of Kulikovo.

References

1. Aksenova O.V. (2016) *Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v ros-siiskoi modernizatsii* [The paradigm of social action: professionals in Russian modernization]. Moscow: Russian Academy of Science.
2. Aksenova O.V. (2020) Sub"ekt sotsial'nogo deistviya v sovremennom razvitii Rossii: aktor, agent, nikto? [The subject of social action in the modern development of Russia: actor, agent, nobody?]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 11 (2), pp. 37-53.
3. Biryukov D.S. (2014) Grigorii Palama – vydayushchiysya pravoslavnyi bogoslov [Gregory Palamas is an outstanding Orthodox theologian], *Acta Eruditorum*, 14, pp. 14-16.
4. Biryukov D.S. (2016) Uchenie Grigoriya Palamy o poznanii i umnom chuvstve [The doctrine of Gregory Palamas on knowledge and intelligent feeling]. *Acta Eruditorum*, 20, pp. 19-21.
5. Biryukov D.S. (2018) Issledovanie retseptsii palamizma v russkoi mysli nachala XX v. [Research into the reception of palamism in Russian thought at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 23 (5), pp. 34-47.
6. Fedotov G.P. (2017) *Svyatyie Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow: Lomonosov" Publ.
7. Gorshkov M.K. (2016) *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': opyt sotsiologicheskoi diagnostiki* [Russian society as it is: the experience of sociological diagnostics], in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novyi khronograf Publ.
8. Gumilev L.N. (2008) *Ot Rusi do Rossii* [From Russia to Russia]. Moscow: AST-Moskva Publ.
9. Khalii I.A. (ed.) (2015) *Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Actualized values of modern Russian society]. Moscow: Russian Academy of Science. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4061 [Accessed 13/09/2020].
10. Pliguzov A.I. (2017) *Zhivaya voda Nepryadvy: bitva na Kulikovom pole v svi-detel'stvakh sovremennikov i v pamyati potomkov* [Living water of Nepryadva: the battle on the Kulikovo field in the testimony of contemporaries and in the memory of descendants]. Moscow: Kvadriga Publ.
11. *Pravoslavnaya entsiklopediya Svyateishogo Patriarkha Aleksiya II* [Orthodox Encyclopedia of His Holiness Patriarch Alexy II] (2001), vol. 13. Moscow.
12. Prokhorov G.M. (2000) *Rus' i Vizantiya v epokhu Kulikovskoi bitvy: Povest' o Mityae* [Russia and Byzantium in the era of the Battle of Kulikovo: The Tale of Mitai], 2nd ed. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.
13. Przhegorlinskii A. (2011) *Vizantiiskaya Tserkov' na rubezhe XIII – XIV vv. De-yatel'nost' i nasledie sv. Feolipta, mitropolita Filadel'fiiskogo* [Byzantine Church at the turn of the XIII – XIV centuries. Activity and legacy of St. Theoleptus, Metropolitan of Philadelphia]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.

-
14. Rakhimzyanov B.R. (2018) *Moskovskaya Rus' i tatarskie khanstva v XV – XVI vekakh* [Moscow Russia and the Tatar khanates in the 15th - 16th centuries]. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo Publ.
 15. VTsIOM. Reiting doveriya politikam ot 20.11.20 [VTsIOM. Confidence rating to politicians from 20.11.20]. Available at: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-2> [Accessed 15/09/2020].